

— Бессовестные вы все, ни стыда ни совести! Кого выгодно, того и матушкой назовете! Мать Те Чжу, ты же несколько дней назад сама ругала этого мерзавца из семьи Цзи за то, что он ударил твоего Те Чжу. А теперь глазом моргнуть не успела — уже деньги ему несешь? И ты, тетушка Чжан, я ведь тебя тетушкой зову! Ты мне за два мясных баоцзы до сих пор не расплатилась, а на его лепешки деньги нашлись? Когда его рядом нет, громче всех ругаешь, а увидела — хвост поджала и делаешь вид, будто ничего не было?

Баоцзы-Сиши ругалась так от души, что названные ею люди не выдержали и опустили головы, прикрывая лица рукавами. Один человек даже поспешно вышел из очереди и, стгорая от стыда, встал в нее заново.

Когда она подошла к Цзи Вэю, то едва не ткнула пальцем ему в нос:

— Это потому, что я красива, а воспользоваться собой тебе не дала, да? Вот ты каждый раз и дерешь с меня на несколько вэней больше! Слушай сюда, Цзи: брось мечтать! Даже если я выйду за хромого Чжао у входа в деревню, на такого негодяя, как ты, и не взгляну!

Она выпалила все это на одном дыхании. Силы наконец иссякли, грудь ходила ходуном, и она тяжело задышала.

Цзи Вэй без всякой жалости отбил ее руку и холодно посмотрел на нее:

— Я встретил Те Чжу из семьи Линь на дороге. Он сам ударил меня мячом, что мне, даже слова сказать нельзя? Он такой худой и маленький: если бы я правда его избил, он бы сейчас с кровати встать не смог. Разве его мать тогда пришла бы покупать у меня еду? Баоцзы-Сиши, говори с доказательствами. Не раскрывай рот как попало, а то язык прикусишь.

Он ударил жестко, и тыльная сторона руки Баоцзы-Сиши тут же покраснела и онемела. Да еще Цзи Вэй говорил резко, почти открыто обвиняя ее в клевете. От злости ее затрясло.

Мужчины всегда ее нахваливали. Когда с ней обходились так грубо? Даже этот негодяй раньше никогда не вел себя с ней подобным образом.

Баоцзы-Сиши подняла покрасневшую руку и закричала:

— Ты не человек, Цзи! Здоровый мужик поднял руку на женщину — и тебе не стыдно? Те твои хорошие братья никогда женщин не бьют. Узнают — боюсь, тебе среди них уже не место будет!

Услышь эти слова прежний владелец тела, они бы на него подействовали. При всей своей непочтительности и жестокости он все же ценил братскую верность и очень дорожил теми приятелями. Но Цзи Вэй не был прежним владельцем. Он сам хотел держаться подальше от этих местных заправил и честно зарабатывать деньги, а не выжимать их из других.

Только Баоцзы-Сиши этого не знала.

С хулиганом по имени Лю Цин у нее были весьма неоднозначные отношения, и потому она всегда держалась уверенно. Просто Лю Цин жил не на этой улице и не мог вмешиваться в здешние дела. К тому же дома у него была настоящая тигрица, поэтому он не хотел, чтобы Баоцзы-Сиши раскрывала их связь. Иначе с ее характером разве стала бы она каждый раз молча глотать обиду?

Но сейчас, разозлившись, она уже ни о чем не думала.

Цзи Вэй скрестил руки на груди и усмехнулся:

— И что с того? У меня, Цзи Вэй, руки-ноги на месте. Эти люди мне отец или мать, что я должен жить, оглядываясь на их лица? Скажу тебе прямо: Лю Цин избил меня так, что я почти полмесяца провалялся больным. Пусть он только попадется мне на глаза — я заставлю его заплатить. И не думай, что я не знаю о ваших с ним делишках.

Последнюю фразу он произнес тихо.

Но лицо Баоцзы-Сиши резко изменилось от испуга.

Она думала, что ее связь с Лю Цинем скрыта надежно и никто о ней не знает. Откуда этот негодяй перед ней мог что-то услышать?

Откуда Баоцзы-Сиши было знать: когда мужчина добивается успеха, ему всегда хочется похвастаться перед братьями. Она была довольно хороша собой и известна на этой улице. Лю Цин рассказывал о ней своим приятелям, чтобы блеснуть, и в их маленьком кругу это давно уже не было тайной. Просто они ценили братство, держали язык за зубами и не разносили слухи посторонним.

Слова Цзи Вэй задели Баоцзы-Сиши за живое. Она стиснула зубы, в глазах вспыхнула злость.

Но мириться с этим она не хотела. Глаза ее вдруг забежали, и она внезапно улыбнулась — ярко, почти ослепительно.

Она вернулась к своему прилавку с баоцзы, пригладила волосы и обратилась к мужчине, продававшему рядом травяной чай:

— Братец Ли, видел того парня по фамилии Цзи, что стоит рядом?

Братец Ли кивнул:

— Видел.

Баоцзы-Сиши вздохнула:

— Жалко.

Говорила она вовсе не тихо. У соседних торговцев дела шли вяло, все сидели без дела, и ее слова тут же привлекли внимание.

— Что жалко? — один за другим спросили они.

— Жалко, что у этого гээра такая хорошая внешность. Мог бы выйти в богатую семью, стать молодой супругой. А родил бы мальчика — так и вовсе всю жизнь не знал бы забот о еде и одежде. Но надо же было попасть к этому Цзи. И та третья сестрица Линь из Второго западного переулка... Я уж не хотела говорить, но в начале года сама видела, как он туда вошел, а вышел только к вечеру. Такой нежный тофу — и в такие жернова...

Баоцзы-Сиши говорила все смелее. Дойдя до самого непристойного места, она прикрыла рот и несколько раз жеманно хихикнула, отчего мужчины вокруг разразились громким смехом. На Лю Иманя они теперь смотрели с примесью сожаления и странного любопытства.

Смеялись они громко и бесстыдно, а Лю Имань стоял всего в нескольких шагах и не мог не

слышать.

Как бы он ни хотел отгородиться, эти слова все равно лезли в уши.

Лю Иманю стало стыдно, горько и неловко. Руки у него неудержимо задрожали, и он почти не мог удержать медяки.

Вдруг ладонь согрелась: ее кто-то взял.

Он удивленно поднял глаза. Цзи Вэй улыбнулся ему, и отчего-то Лю Иманю показалось, будто по душе прошел легкий ветерок, мгновенно разогнавший нависшую хмарь.

— Ты веришь ей или мне?

Цзи Вэй был прямым человеком и всегда терпеть не мог хождения вокруг да около.

Лю Имань слышал немало плохого, но за эти несколько дней он видел, как Цзи Вэй относился к нему. Это тепло он тоже чувствовал.

Он тихо сказал:

— Верю тебе.

Цзи Вэй удовлетворенно кивнул:

— Хорошо.

Он распродал все оставшиеся лепешки, а Баоцзы-Сиши все еще обсуждала грязные дела прежнего владельца.

— ...вы не знаете, братец Ли может подтвердить: раньше, когда он приходил собирать деньги, этот Цзи даже ко мне руки тянул. С других брал по десять вэней, а с меня — двенадцать! Только потому, что я ему не подчинилась, он со мной... он со мной...

Глаза Баоцзы-Сиши покраснели, она уронила две слезы и заговорила так жалобно, что мужчины и женщины вокруг прониклись сочувствием.

Но едва они увидели, что Цзи Вэй подходит ближе, все испуганно притихли и один за другим вернулись на свои места, не смея больше вытягивать шеи.

Баоцзы-Сиши запоздало подняла голову и тут же вздрогнула от вида Цзи Вэя. Она заставила себя успокоиться и с виноватой дерзостью сказала:

— Что? Что ты опять хочешь со мной сделать?

Цзи Вэй потер подбородок и улыбнулся:

— Ну не могу же я зря носить такое имя.

У Баоцзы-Сиши сразу появилось дурное предчувствие, и она тут же отступила на два шага.

Но как бы быстро она ни двигалась, Цзи Вэя ей было не опередить.

Он шагнул вперед, одной рукой схватил Баоцзы-Сиши за левое плечо и резко подтолкнул.

Баоцзы-Сиши с силой ударилась о кирпичную стену, вскрикнула, и лицо ее побледнело.

Люди вокруг перепугались так, что даже вмешаться забыли.

Цзи Вэй зажал подбородок Баоцзы-Сиши. На губах у него была улыбка, но в глазах проступил холод:

— Сю Фэнь, ты забыла, что говорила мне тогда в маленькой беседке у твоего дома? Говорила, что Лю Цин обычно выглядит надежным, а на деле ни на что не годится. Раз уж я знаю такой секрет, разве могу рассказывать его при всех?

Если до этого на лице Баоцзы-Сиши еще оставалась хоть какая-то кровь, то после слов Цзи Вэя она стала почти синей от страха и покрылась холодным потом. Голова ее замоталась, словно погремушка, и она даже фразу не могла закончить:

— Нет, нет... я тебе такого не говорила... зачем ты меня чернишь...

Она испугалась так, что слезы сами покатались по щекам. Теперь она и правда была похожа на вспугнутую птицу.

Цзи Вэй склонился и прошептал ей на ухо:

— Будешь и дальше меня давить — я позволю Лю Цину вернуть тебе все с лихвой. Думаю, ты знаешь его достаточно хорошо.

Лю Цин был высоким и крепким мужчиной, но вспыльчивым и очень дорожил лицом.

Из-за связи с Баоцзы-Сиши он не позволял ей выйти замуж. За эти годы, хоть Баоцзы-Сиши и была худенькой красавицей, к двадцати трем она так и осталась незамужней. В обычные дни стоило ей приблизиться к другому мужчине, он тут же бил и ругал ее. Зато в хорошем настроении становился внимательным и нежным.

Он был уличным хулиганом, силой забирал чужие деньги и никогда в них не нуждался. Поэтому Баоцзы-Сиши жила совсем неплохо: в будни носила золото и серебро, не испытывала недостатка в шелке и вовсе не походила на бедную девушку, у которой умерли родители.

Баоцзы-Сиши не раз думала уйти от Лю Цина, но уйти не могла. Она до смерти его боялась и не могла отказаться от его силы и щедрости.

Если Лю Цин узнает о сегодняшнем, на ней, пожалуй, живого места не останется.

Прежний владелец и Лю Цин были как огонь и вода, отношения у них были крайне плохие. Зная о связи Баоцзы-Сиши с Лю Цином, он не раз намеренно создавал ей неприятности.

Баоцзы-Сиши с глазами, полными слез, отчаянно замотала головой, а потом снова закивала. Только тогда Цзи Вэй отпустил ее, отступил на два шага и извинился:

— Дал землякам посмеяться. У нас с Сю... с Баоцзы-Сиши было небольшое недоразумение. Теперь все прояснилось, не поймите неправильно.

От этих слов Баоцзы-Сиши едва не выплюнула кровь.

Но ничего сделать ему она не могла. Ей оставалось только яростно смотреть в спину Цзи Вэю, будто пытаясь прожечь в ней две дыры.

Цзи Вэй не обратил на это внимания. Неторопливо, с видом человека, которому все нипочем, он вернулся к тележке. Лю Имянь уже успел собрать вещи. Цзи Вэй взялся за ручки, толкнул тележку и ушел, больше не задерживаясь.

По дороге назад они проходили мимо мясной лавки.

Цзи Вэй немного подумал и остановился:

— Присмотри за тележкой, я куплю цзинь мяса.

Это был первый раз с тех пор, как он попал в этот мир, когда Цзи Вэй заработал деньги собственным умением. Такое стоило отметить.

К тому же он был здесь уже пять дней и, если не считать яиц, каждый день питался одной растительной едой. А Цзи Вэй вовсе не был вегетарианцем: он любил и мясо, и сладкое.

При этой мысли радость в его сердце чуть померкла. Условия в другом мире были слишком простыми: ни электричества, ни многих привычных инструментов. Если он хотел делать западную выпечку, трудностей было хоть отбавляй. Пока он не найдет способ решить эту проблему, о любимых пирожных можно почти забыть.

Мясная лавка была небольшой, одним взглядом можно было увидеть ее до конца. Внутри висела половина свиной туши, а на длинном деревянном столе тут и там лежали куски жирного и постного мяса.

Мясник сидел, прислонившись к двери. Увидев, что Цзи Вэй идет к лавке, он лениво потянулся и встал:

— Какое мясо нужно?

— Почему продаешь? — Цзи Вэй посмотрел на мясо на столе. Там было постное мясо, грудинка и чистый жир. На земле стоял мешок с несколькими большими костями, на которых еще висели белые, как снежинки, обрывки мяса.

— Чистый жир — тридцать вэней за цзинь, грудинка — двадцать пять, постное — двадцать. — Мясник схватил кусок грудинки и поднес Цзи Вэю под нос, чтобы тот посмотрел. — Все сегодня утром зарезали, свинина свежайшая. Ну как, взять цзинь?

За несколько дней Цзи Вэй уже понял, что жирное мясо здесь куда дороже постного. Из жира можно вытопить сало, на нем жарить — и у блюда сразу появляется мясной аромат. Поэтому оно было гораздо популярнее постного.

В последующих поколениях все было совсем иначе: большинство любило постное мясо, да и блюд существовало куда больше. К тому же, хотя сегодня торговля Цзи Вэя шла хорошо, после вычета затрат он заработал всего около сотни вэней. Где можно сэкономить, там надо экономить. Как тут разбрасываться деньгами?

Подумав, он все же взял только цзинь постного мяса.

Пока мясник отрезал мясо, Цзи Вэй не удержался и снова посмотрел на большие кости в мешке.